

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
В.Я. БРЮСОВА
Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
BRUSOV STATE UNIVERSITY

**БРЮСОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ
2024**

**ԲՐՅՈՒՍՈՎՅԱՆ
ԸՆԹԵՐՑՈՒՄՆԵՐ
2024**

**BRUSOV READINGS
2024**

**ԵՐԵՎԱՆ – ԵՐԵՎԱՆ – YEREVAN
2024**

СТРОГАНОВ М.В.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

БРЮСОВ И ЖУРНАЛ «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

Ключевые слова: *Брюсов, «Русское богатство», литературная критика.*

Тема, обозначенная в заглавии статьи, для брюсоведения представляется побочной и второстепенной. Брюсов писал П.П. Перцову 13 октября 1895 г.: «Только что случайно прочел 6-ую кн. “Русс<кого> Богатства” (недолюбливаю этот журнал) и, право, возмущен, хотя уже давно потерял способность возмущаться по поводу рецензий. Невысокого мнения был я о г. Михайловском, но такого полного непонимания слов, которое он высказал в разборе Ваших “Писем”, я и от него не ожидал. Плоско, грубо! Вероятно, Вы давно знакомы с этой заметкой и разделяете мое мнение» [Лит. наследство 2023:115].

В «Русском богатстве» Брюсова взаимно «недолюбливали», и в рецензии на 2-й выпуск «Русских символистов» М.А. Протопопов в 1894 г. писал: «“Вступительная заметка” г. Брюсова имеет целью объяснить сущность символизма. “Заметка” во всех отношениях ничтожна, но характерна для символистов. <...> Символизм г. Брюсов определяет как “поэзию намеков”, откуда следует, что “не только поэт-символист, но и его читатель должны обладать чуткой душой и вообще тонко развитой организацией. В символическое произведение надо вчитаться, воображение должно воссоздать только намеченную мысль автора”. Вчитаемся в следующее стихотворение, открывающее собою книжку гг. символистов:

Струны ржавеют
Под мокрой рукой,
Грезы немеют
И кроются мглой
[Протопопов (?)1894:74–75]

В такой критике символистов не было ничего

оригинального и собственно «русско-богатского». Точно так же писал об этом сборнике и В.С. Соловьев: «<...> можно за норму суждения принять не собственное мнение, а намерение критикуемого автора или художника. <...> В предисловии г. В. Брюсов объясняет, что поэзия, которой он с товарищами служит, есть поэзия намеков. Следуя нашей относительно-научной методе, посмотрим, насколько в самом деле стихотворения русских символистов представляют поэзию намеков:

Струны ржавеют
Под мокрой рукой,
Грезы немеют
И кроются мглой»
[Вл. С. 1894:421–424]

Оба критика выбрали простой и неопровержимый путь: взяли заведомо плохие стихи и успешно разоблачили «молодую поэзию». Но манифестировал эту «молодую поэзию» Брюсов, поэтому закономерно, что его прозаические (теоретические и критические) высказывания встречали в «Русском богатстве» резкий отпор. В частности, А.Г. Горнфельд в рецензии на книгу Брюсова «Об искусстве» (1899) писал: «Теоретическое произведение г. Брюсова невыгодно отличается от его поэзии тем, что оно вполне вразумительно; таким образом оно лишено главного интереса, какой внушали поэтические творения автора: интереса курьеза. <...>

Поэтому грустное и комическое впечатление производят притязания г. Брюсова на приоритет в решении таких вопросов, самая суть которых бесконечно далека от него. “И Толстой, и я, мы считаем <...> я высказывал то же раньше. Но Толстой углубил этот взгляд <...> Полагаю, меня не сочтут последователем Толстого <...>” О, не бойтесь, не сочтут, — можно быть какого угодно мнения об эстетических рассуждениях Толстого, но наверно никому в голову не придет дикая идея сопоставлять эти ошибки большого ума с набором крикливых трюизмов, свидетельствующих еще раз о том, что самомнением нельзя заменить ни знания, ни дарования» [Горнфельд 1899:56–57].

А рецензию на сборник «Далекие и близкие» Горнфельд в 1912 г. вновь начал с сопоставления критики и стихов Брюсова: «“Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней”, собранные в этой книге — тоже своего рода “пути и перепутья”, только не поэтические, а критические. Внутренняя связь их не в системе, но в исторической последовательности, не в догме, но в биографии автора. Горнфельд указывает, что «уже в 1908 году <...> <Брюсов> находит возможным с безусловным сочувствием отнести к поэзии А.М. Жемчужникова. Эта сочувственная оценка старого поэта-общественника важнее даже, чем общие взгляды Брюсова, ибо не трудно сойтись в теоретических воззрениях; трудно примириться в оценках, в которых роль играют неуловимые особенности вкусов и настроений. <...> Противоположность между поэзией последнего двадцатилетия и ей предшествовавшей поэзией, разумеется, не покрывается противоположностью реализма и идеализма. И совершенно непонятна та терминология, по которой Жемчужников и Бунин оказываются почему-то реалистами; несомненно, что в лирике эти термины схватывают лишь мелкую, несущественную черту» [Горнфельд 1912:167]. Впрочем, Горнфельд говорит и о «значительности всей книги Брюсова», и о «гибкости этого эклектического, но недюжинного ума» и ожидает постепенного, но не окончательного освобождения от «прежней литературной физиономии» [там же:166].

Переписка членов редакции позволяет выявить те книги Брюсова, которые вызвали интерес, но по тем или иным причинам не были отрецензированы. В частности, Н.Ф. Анненский писал Горнфельду 12 (25) августа 1910 г.: «Завтра я буду в редакции и постараюсь найти Вам что-нибудь для рецензий. Есть книга В. Брюсова о символизме, но такая огромная, что высылать не решаюсь (Вы просите прислать “небольших” книг)» [РГАЛИ. Ф.155. Оп.1. Ед. хр.210. Л.22–23 об.]. Речь шла о книге Брюсова «Испепеленный» (М.: Скорпион, 1909; 2-е изд., 1910), но вместо рецензии Горнфельд написал по ее поводу теоретическую статью, в которой аргументированно доказал, что «у романа есть своя правда, которая не обязана

совпадать ни с правдой сцены, ни с правдой жизни» [Горнфельд 1910:164], но от этого искусство не перестает быть реалистическим. Брюсов, как мы можем судить по имеющимся материалам, с Горнфельдом не спорил и как бы просто не замечал. Несомненно, впрочем, что Горнфельд всегда находился в кругу зрения Брюсова, поскольку П.П. Перцов был постоянным корреспондентом их обоих на протяжении всей своей жизни.

Вообще Брюсов как знаток и мастер вызывает высокие оценки. Но мотивы, которыми руководствуется Брюсов, выглядят всегда сомнительными. Е.В. Тарле в рецензии на биографический очерк Агриппы Неттесгеймского Жозефа Орсье, который подготовил к печати Брюсов, писал: «Краткое введение, написанное г. Брюсовым, очень содержательно <...>. Кроме введения, г. Брюсов написал для этой книги еще и послесловие (“Легенда о Агриппе”)), в котором справедливо объявляет сданною в архив басню об Агриппе как только о фокуснике, маге и чародее <...>. Читатель закрывает книгу с неотвязною мыслью: почему г. Брюсов, явно знающий и понимающий Агриппу гораздо лучше, нежели Жозеф Орсье, сам не написал об Агриппе самостоятельного очерка, вместо того чтобы обставлять так заботливо и щедро всю роскошь своей эрудиции — весьма посредственную статью французского автора?» [Тарле 1914:373–374].

С одной стороны, упрек Тарле несправедлив. Агриппа — один из героев «Огненного ангела», и для этого романа Брюсов изучал его личность. То, что он хотел сказать об Агриппе, он уже сказал. Статья Жозефа Орсье — это леса, которые оказались не нужны после постройки всего романа, но Брюсову было жаль расставаться с ними. Но, с другой стороны, если бы Лев Толстой по завершении «Войны и мира» стал публиковать те рукописные материалы, которые он использовал для построения своего романа, мы тоже удивились бы и стали ли бы на точку зрения Тарле.

И сюда же относится отзыв Горнфельда о «Сборнике финляндской литературы», в котором Брюсов выступил редактором (фактически переводчиком) стихотворного раздела:

«Прозаические переводы можно заказать, лирических переводов надо ждать: они требуют поэта, а поэт ждет вдохновения. Конечно, г. Брюсов, давший сборнику множество стихотворных переводов, может перевести быстро и приблизительно много стихов с любого языка, но такими переводами — их нельзя назвать плохими — можно наполнить многие томы, и они не дадут никакого представления о душе народа и о личности автора, которому принадлежат» [Горнфельд 1918:370].

Итак, бесспорный знаток и мастер с весьма сомнительными мотивами. Первым о причинах такой репутации Брюсова писал Якубович в рецензии на «*Tertia Vigilia*»: «Странная репутация выпала на долю г. Валерия Брюсова. В то время как произведения его собратьев по духу, гг. Бальмонта, Мережковского, Минского, Сологуба et tutti quanti, принимаются и публикой, и критикой всерьез (даже смеются над ними всерьез), к г. Валерию Брюсову установилось какое-то двусмысленное отношение: не то это — наивный младенец, не то остроумный шутник, сознательно доводящий до крайностей вычуры символизма, чтобы лучше их высмеять. После второй “книги” стихов, посвященной “вечности и искусству”, г. Брюсов на несколько лет совсем исчез с горизонта литературы» [Якубович 1901:28].

Причина такой репутации очевидна: в отличие от «старших символистов», Брюсов всегда выступал с эпатирующими манифестами и ни одной книжки не издал без какого-либо предисловия: «Внешность книжки (обложка, заголовок) отличается все теми же декадентскими претензиями, что и прежние издания г. Брюсова, но внутри есть и кое-что новое. Так, в предисловии автор торжественно заявляет, что он теперь “равно любит и верные отражения зримой природы у Пушкина и Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные (?) раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем, Некрасова”. Короче, г. Брюсов перестал быть декадентом и сделался просто индифферентистом в искусстве» [там же:28].

Вместе с тем Якубович впервые в «Русском богатстве» находит и нечто положительное в личности и литературной

деятельности Брюсова: «И однако все-таки нужно признать, что природа не отказала г. Валерию Брюсову в некотором поэтическом даровании. Там и сям заметны проблески недурного эстетического вкуса, попадаются счастливые выражения, но — что самое главное — в книжке есть одно стихотворение, подписаться под которым не отказался бы, вероятно, и настоящий поэт. Мы имеем в виду, написанное прекрасным народным стихом “Сказание о разбойнике”, к сожалению, чересчур длинное, чтобы выписать его здесь целиком. При чтении этого стихотворения у нас, признаемся, “душа смутилася трепетом”, трепетом за те безобразные жизненные условия и влияния, которые развили в г. Брюсове уродливые художественные вкусы и создали из него не свежий и гуманный талант, а посмешище глупых и умных людей — русского декадента нашего времени. Впрочем, нужно заметить, что даже и в области декадентских бредней г. Брюсов, на наш взгляд, приятно отличается от своих собратьев: доводя иногда уродливое и пошлое до чудовищного, он бывает, видимо, и искренно проникнут идеалистическим настроением, наивными мечтами о какой-то великой предстоящей ему и другим “символистам” работе» [там же:29]¹. Якубович чувствует талант Брюсова, но не принимает его установок.

Рецензия была опубликована без подписи, и Брюсов едва ли знал, кто ее автор. Он сразу выделил и оценил каторжную прозу Якубовича [Лит. наследство 2023:182], но переводы Якубовича из Бодлера вызывали у него противоречивые оценки ([Лит. наследство 1976:732], [Лит. наследство 2023:179]). Вместе с тем из всей редакции «Русского богатства» только Михайловский и Якубович привлекали внимание Брюсова, который писал Перцову 18 октября 1902 г.: «Вероятно, для гг. Михайловских и Якубовичей я в половину менее чем ничто, но ведь я им и не предлагаю своих стихов» [Лит. наследство 2023:289]. Прошло семь лет, и Якубович констатировал: «Не так давно школа наших

---

¹ Следующей по времени отрецензированной в РБ работой Брюсова было издание переводов из Верхарна, но эта рецензия не касалась ключевых вопросов [Редько 1906:118–122].

декадентских или символистских поэтов (она же школа “молодых” поэтов) официально провозгласила свою победу. <...> Вожди русского декаданса, гг. Бальмонт и Брюсов, то и дело провозглашаются теперь на страницах ежемесячной и ежедневной печати “большими” и “замечательными” поэтами, а г. Петр Пильский в “Свободных мыслях”, ничтоже сумняся, объявил Валерия Брюсова даже “величайшим поэтом нашей современности”, как будто просто великих поэтов у нас завелось даже несколько <...>

Как бы то ни было, ничего нет мудреного, что сами “победители”, не отличавшиеся и раньше особой устойчивостью психики, ныне, окутанные чадом общей лести и поклонения, окончательно потеряли голову и стали всячески куролесить. <...>

К чести г. Валерия Брюсова, нужно сказать, что с ним (и едва ли не с ним одним) такой беды не случилось. Напротив, именно в последнее время, когда гг. Пильские, Ляцкие, Аничковы и им подобные современные критики стали бросать ему “под ноги ковры и гирлянды цветов”, он, как будто, даже подтянулся, начал вдумчивее и добросовестнее относиться к своему дарованию, и если не окончательно порвал с Валерием Брюсовым былых времен, то... не трудно, в конце концов, понять, кто и что сгубило его несомненный поэтический дар» [П. Я. 1908:130–132].

Но это отрезвление было непоследовательным. Выкинув из «Путей и перепутий» нарочито эпатажные «О, закрой свои бледные ноги» и «золотистых фей», он оставил многое другое. Поэтому Якубович пишет: «Очевидно, мы наталкиваемся здесь на границы того отрезвления и просветления, которые, в силу времени, произошли в поэте. Перестать “быть Валерием Брюсовым” (желание, как-то выраженное им самим в стихах) он, очевидно, не в состоянии, почему не только преподносит теперь читателям ворох своих юношеских, “наивных” и “бессильных” творений, но и благоудивляет еще некоторыми новыми чудачествами во вкусе посвящения “Вечности и Искусству”: такова, напр., приложенная к книге “Библиография”. Без тени улыбки, серьезно и добросовестно, словно речь идет о постороннем авторе крупного значения, г. Брюсов обстоятельно

указывает здесь, какие из его стихотворений положены на музыку, какие переведены на иностранные языки (немецкий, датский, латышский, чешский), какие, наконец, критические заметки, из “более известных” (автору, или публике?), посвящены в родной литературе его юношеским творениям» [там же:133].

И тем не менее Якубович «признает г. Брюсова поэтом даровитым и недюжинным», потому что «он, несомненно, идет все время вперед, хотя бы в отношении формы», а «в стихах его действительно звучит иногда патетическая нота, отличающая их от бесчисленного, надоедливо-скучного роя других современных стихов» [там же:136]. Однако анализ стихотворений «Близким» и «Кинжал» приводит Якубовича к мысли, что Брюсов «явился бессознательным выразителем чувств и идей нашего буржуазного, как кисель податливого на всякое давление общества» [там же:139]. «Думаем, читателям достаточно ясно, что, имея дело с поэтом действительно одаренным, они не могут рассчитывать найти в нем писателя, проникнутого сколько-нибудь определенными, твердыми принципами. Это — талант, рано загубленный нелепою, прямо дикою литературного “школою”, а, быть может, еще раньше и еще больше — той беспринципной средой и эпохой, которые воспитывали и складывали его юную музу» [там же:141].

В рецензии на 2-й том «Путей и перепутий» Якубович повторил те же самые тезисы: «Словом, перед нами поэт небольшого, в значительной степени подражательного и раздутого критикой безвременья дарования, но — поэт несомненный, способный к тому же расти и развиваться. К сожалению, как раньше был он, так и до сих пор остается ладьей, плывущей “без руля и без ветрил”, куда несет течение...» [Якубович 1908:175].

Эти оценки вступают в противоречие с современным восприятием Брюсова как классика литературы. Поэтому закономерно возникает вопрос, кто ошибается в оценке Брюсова: современное литературоведение или критика «Русского богатства»? Горнфельд в рецензии на подготовленное Брюсовым издание стихотворений К. Павловой писал: «Он преувеличивает

значительность поэзии Каролины Павловой; без доводов, замененных хором авторитетов, он провозглашает: “Каролина Павлова принадлежит к числу наших замечательнейших поэтов, — нужно ли это доказывать после восторженной оценки ее поэзии в отзывах Баратынского, Хомякова, Языкова, гр. А. Толстого, К. Аксакова, И. Киреевского, Шевырева, М. Каткова, К. Бальмонта и мн. др.?” Доказывать, конечно, нужно; мало ли кого от Платона Кускова до Мачтета у нас хвалили и перехваливали современники и политические единомышленники, подчас очень авторитетные. И — не для спора о словах — мы должны сказать, что к “замечательнейшим” поэтам Каролина Павлова не принадлежит, ибо каждому довлеет его место, и не десятками же мы должны считать наших замечательнейших поэтов» [Горнфельд 1915:327].

В такой исторической перспективе и следуя самой простой логике: довлеет каждому доля его — мы не можем не согласиться с «Русским богатством» в общей оценке Брюсова как поэта. Невзирая на принципиальное различие общественных и литературных позиций, журнал смотрел на творчество Брюсова достаточно объективно. Очень редко авторы «Русского богатства» проявляли по отношению к Брюсову несправедливые, передергивающие факты оценки. Так, А.М. и Е.И. Редько в рецензии на альманах «Творчество» в своем пересказе стихотворения Брюсова «Выходы» («Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный...») достаточно вольно (фактически противоположно) излагали позицию автора [Редько 1917:315–319].

Но если мы признаем общую справедливость оценок авторов «Русского богатства» по отношению к Брюсову, мы не можем не признать, что справедлив был и Брюсов. В рецензии на книгу статей Якубовича «Очерки русской поэзии» Брюсов приводит признание Якубовича, что поэты, которые сохраняют верность «лучшим заветам русской поэзии», «перпевают старые, давно известные мотивы» [Якубович 1904:263–264]. И Брюсов пишет: «Г. Мельшину-Гриневичу, которого мы относим не к числу “совершенно бездарных”, а к “обладающим слабым, еле

мерцающим дарованием”, следовало бы повнимательней остановиться на этом факте. Почему в самом деле все талантливое инстинктивно начинает сторониться от той партии, к которой принадлежит г. Мельшин-Гриневич, — чувствуя, что там смертное окостенение, что там уже невозможна жизнь» [Брюсов 1904:76]. Перцов писал Брюсову 13 марта 1904 г. об этой рецензии: «Хорошо назидание Мельшину» [Лит. наследство 2023:476].

Перцов, который начинал работу в столичной прессе именно с «Русского богатства», но вскоре разошелся с ним и о котором Н.К. Михайловский отзывался в своем журнале весьма ядовито, — Перцов в своих оценках злобствует, что вполне понятно и вместе с тем напрасно. Замечание Брюсова, что новые талантливые литературные силы сторонятся «Русского богатства», разумеется, совершенно справедливо. Но так же справедливы и критические суждения его оппонентов по поводу литературного поведения самого Брюсова.

ЛИТЕРАТУРА

[Брюсов В.Я.] Л. Мельшин (П.Ф. Гриневич). Очерки русской поэзии. СПб., 1904 / Пентаур // Весы. 1904. № 1.

[Горнфельд А.Г.]² Валерий Брюсов. О искусстве. М., 1899 // Русское богатство. 1899. № 2. Отд. 2.

Горнфельд А. Заметка о реализме // Русское богатство. 1910. № 12. С. 160–168.

[Горнфельд А.Г.] Валерий Брюсов. Далекие и близкие. Книгоиздательство «Скорпион». М., 1912 // Русское богатство. 1912. № 2. Отд. 2.

[Горнфельд А.Г.] Каролина Павлова. Собрание сочинений. Редакция и материалы для биографии К. Павловой Валерия Брюсова. М.: Изд-ство К.Ф. Некрасова, 1915. Т. I; т. II // Русские

---

² Все неподписанные рецензии из раздела «Новые книги» в журнале «Русское богатство» атрибутированы на основании гонорарных ведомостей журнала А.В. Востриковым [ОР РНБ. Ф.211 (А.Г. Горнфельд). № 1252–1276], которого я благодарю за предоставленную возможность использовать их в данной работе.

записки. 1915. № 12.

[Горнфельд А.Г.] Сборник финляндской литературы. Под редакцией В. Брюсова и М. Горького. Изд-ство «Парус». Пг., 1917 // Русское богатство. 1918. № 1–2–3.

Вл. С. Русские символисты. Выпуск 2-й: Стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Миропольского, Новича и др. Вступительная заметка Валерия Брюсова. М., 1894 / Вл. Соловьев // Вестник Европы. 1895. № 1.

Литературное наследство. Том 85: Валерий Брюсов / Ред. А.Н. Дубовиков и Н.А. Трифонов; Ред. и сост. при участии Т.Г. Динесман. М., 1976.

Литературное наследство. Том 113: Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894–1911 гг. / Сост., вступит. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова; подгот. текста Ю.П. Благоволиной, А.В. Лаврова, Т.В. Павловой; отв. ред. М.Л. Спивак. М., 2023.

[Протопопов М.А.?] Русские символисты. Выпуск 2-й: Стихотворения Дарова, Бронина, Мартова, Миропольского, Новича и др. Вступительная заметка Валерия Брюсова. М., 1894; Плач Белорусской земли. Витебск, 1894; Гражданин и личность: Мысли в стихах. Соч. А. Топазова. М., 1894; Соч. А. Топазова. Борьба ученых с корсетом: Сценическая фантазия из современной жизни. В 3 действиях. М., 1894; Вопросы жизни: Сценическая аллегория из мира чувств и идей. В 3 действиях. Соч. А. Топазова. М., 1894 // Русское богатство. 1894. № 11. Отд. 2.

П.Я. Без руля и без ветрил. Валерий Брюсов. «Пути и перепутья». Собрание стихов. Т. I. К-во «Скорпион», 1906 / П.Ф. Якубович // Русское богатство. 1908. № 5. Отд. 2.

[Редько А.М.] Эмиль Верхарн. 1) Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М., 1906. Книгоизд. «Скорпион». С портретом Верхарна; 2) Зори: Пьеса в четырех актах. Перевод Георгия Чулкова. XI сборник «Знания» // Русское богатство. 1906. № 12. Отд. 2.

Редько А.Е. Новый альманах. Альманах «Творчество». Кн. 1-я. И. Бунин, В. Брюсов, А. Куприн, А. Окулов, А. Федоров, Н. Крашенинников, С. Есенин, А. Ремизов, Ф. Сологуб, Д. Цензор

и др. Книгоиздательство «Творчество». М.; Пг., 1917 / А.М. Редько и Е.И. Редько // Русское богатство. 1917. № 4–5 Отд. 2.

[Тарле Е.В.] Агриппа Неттесгеймский. Знаменитый авантюрист XVI в.: Критико-биографический очерк Жозефа Орсье. Перевод Брониславы Рунт. Под редакцией, с введением и примечаниями Валерия Брюсова. М.: Изд-ство «Мусагет», 1913 // Русское богатство. 1914. № 2.

[Якубович П.Ф.] Валерий Брюсов. *Tertia Vigilia*: Книга новых песен. М., 1900 // Русское богатство. 1901. № 3. Отд. 2.

[Якубович П.Ф.] Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. II. К-во «Скорпион». М., 1908 // Русское богатство. 1908. № 9. Отд. 2.

[Якубович П.Ф.] Очерки русской поэзии: Пушкин. Некрасов. Фет. Тютчев. Надсон. Современные миниатюры. О старом и новом настроении / П.Ф. Гриневич (П.Ф. Якубович). 2-е изд.: Тип. Первой СПб. трудовой артели, 1911.

MIKHAIL STROGANOV — VALERY BRUSOV AND THE MAGAZINE «RUSSIAN WEALTH»

In reviews of Brusov's books in the magazine «Russian Wealth», the general concept is clearly maintained: Brusov is an undisputed expert and master, but the motives of his literary behavior are very doubtful. Brusov rejected the literary platform of «Russian Wealth» as unpromising.